

Перчатка с букетиком внутри

СОБЕСЕДНИК

Кто в России никогда не страдал от недостатка внимания? Спецслужбы. Сотни сугубо гражданских мечтателей пишут книги о супергероях – разведчиках. Тысячи диссидентов и интеллигентов клеймят зверства ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ. Десятки тысяч верноподданных журналистов воспевают суровую романтику будней ФСБ. И половину этих казённых «писателей» не мешало бы уволить за профнепригодность. Эффект от их восхвалений нулевой – образ чекиста (или «гэбиста»), сложившийся в сознании рядового гражданина РФ, мягко говоря, неположительный. Но иногда появляются люди, желающие «бросить перчатку» общественному мнению. Например, Альфред Симонов, беседа с которым может заставить серьёзно задуматься. Конечно, только того, кто от этого не отвык.

ГАДАНИЕ НА РОМАШКЕ

Наш земляк Альфред Симонов, в юности мечтавший стать историком, 25 лет прослужил в КГБ. Затем был депутатом районного совета, служил в налоговой полиции. Сейчас – директор по вопросам безопасности на успешном предприятии, руководит Общественной приёмной полпреда Президента по ЦФО в Ярославле.

Казалось бы, чистейший образец, биография цвета погон, не допускающая толкований? Извините, не совсем так.

Симонов – автор трёх художественных книг, что, согласитесь, не совсем типично для офицера контрразведки. Сейчас этот нетипичный чекист завершает четвертую и обдумывает пятую.

Писатель Симонов говорит: «Бывших чекистов не бывает». Взгляд его при произнесении этих слов излучает непоколебимую веру в собственную правоту. И нет такой ромашки, на которой можно было бы погадать об этом человеке: чекист, писатель, чекист, писатель...

Любопытная история произошла с приёмом литератора-издателя Симонова в Союз писателей. Он долго думал о том, чтобы попасть в этот, по выражению Пушкина, «цех задорный». Были собраны рекомендации, назначен день обсуждения кандидатуры... Незадолго до официального приобщения к статусу служителя Муз Симонов узнал, что его как руководителя Общественной приёмной ждут в Смоленске на совещании с участием полпреда. Более того, Симонову предложили выступить и рассказать о социальных проблемах Ярославской области, а такой случай выпадает редко. Вопрос звучал как всегда оно, ещё не совсем забытое: «С кем вы, деятели культуры?» В смысле: Альфреду Симонову пришлось выбирать, как поступить – по-службистски или литераторски.

Конечно, Георгий Полтавченко – важная фигура, но Симонов руководит Общественной приёмной на общественных началах и, строго говоря, не должен делать – не в атаку идя – можно и обойтись. В Союзе писателей тоже не каждый принимают, надо бы личное решение своей судьбы присутствовать.

СИМОНОВ ВЫБРАЛ
ДОКЛАД

тересовались сексуальными экспериментами, насилием и прочим. Поехали сами себя. И эта «трапеза» окончилась серным и огненным дождём.

– Хорошо, Сорокин действительно чмо. Но что-то мягче, например, Дэн Браун «Код да Винчи», как он вам нравится?

– По-моему, «Код да Винчи» – убожество. Никаких открытий в этой книге человек, просто один раз прочитавший Библию, не найдёт. А новичок попадётся – понятия в «Коде...» подменяются, и довольно хитро. Браун пытается взламывать основы религии, делает детектив из

показать, какими на самом деле были люди, работавшие в КГБ, по крайней мере, во времена, когда я там служил. «Искусствовед...» – не самая дорогая мне книга, я написал её всего за два месяца, но там всё, как вы спрашиваете, – честно. В 1918 году, когда вспыхнул ярославский мятеж, и ни белые, ни красные не хотели договариваться, это кончилось большой кровью и большим горем. В 1993 году это могло бы повториться в масштабах страны, и именно КГБ сработал как амортизатор, предотвратив хаос, разрушения, кровь и, возможно, войну. И сейчас Россия остро нуждается в мирной жизни.

ФОТО АННЫ СОЛОВЬЕВОЙ

вдруг опять не примут? В 62 года, да ещё полковнику в отставке, как-то неудобно будет.

– Как же без официального статуса? Не обидно?

– В состоянии постоянной обиды книги не напишешь.

– Откуда вы знаете?

– Так уже пробовал. Писал.

– Сколько у вас книг?

– Роман «Имя на запотевшем стекле» и повесть «Светские беседы на пленэре» – в одном сборнике. «Орбита осколка» – четыре повести под общим грифом «Из записной книжки полковника контрразведки». «Искусствовед в штатском»... Как назвать жанр, даже не скажу. Эту книгу называют «воспоминаниями ярославского чекиста», но я не очень люблю это определение. «Искусствовед...» – книга не о чекисте, а просто о жизни. Я вообще не люблю мемуаров.

– А что вы любите? Кого из писателей? Какие произведения?

Чехова, в особенности его записные книжки и письма, это настольная книга. Пушкина – тоже дневники и письма. Вересаева. Розанова. И снова – Чехова, и опять Чехова, и больше всех – Чехова.

– А современники, современники? Есть же модная, «продвинутая» литература. Или вы её не читаете?

– Не думаю, что надо противопоставлять классиков и современников – это занятие веч-

Евангелия. Но есть вещи, которые нельзя взламывать. Когда академик Сахаров испытал изобретённую им бомбу – он ужаснулся. Взрывать веру и мораль – это немногим лучше.

– Вы, офицер КГБ, говорите о вере?

– За всё время моей службы, а это – 25 лет – Управление КГБ по политическим статьям и не посадило ни одного человека! А в 1917-м, отказавшись от православия и начав его преследовать, большевики допустили грубейшую ошибку. Есть такое понятие – «христианский социализм». Нечто подобное построено в Германии. Я люблю Родину, но уровень жизни в Германии и в Российской Федерации даже сравнивать не стану. Да, я говорю о вере и верю сам.

– Вернёмся к вашему творчеству. Планируете что-то издать?

– Возможно, к концу года появится «Воскресшая» – сборник из шести повестей. О религии, о политике, о земле, о США. Немного в стиле фэнтези.

– Что-что? Фэнтези? Объясните подробнее.

– Да, фэнтези. Немножко чуда. А объяснить вряд ли получится. Встречаются ненадолго XIX и XXI века. Воскресает человек, возрождается. Нет, не объясните. Если издадут – возьмите и прочтите, книга будет в библиотека.

ни, отдыхе. Мы должны построить социальное государство и потом спокойно развиваться. А о каком мире можно говорить там, где бушует ненависть? Я хочу снизить градус ненависти, в том числе и к нам, к людям, выполнявшим служебный долг.

– Но ведь ФСБ спокойно работает, и особой ненавистью народ к ней не испытывает?

– Я не работал в ФСБ. Я говорю о КГБ.

– А разве ФСБ – не преемница КГБ? А тот, в свою очередь, не преемник НКВД, ГПУ, ЧК?

– Формально – да. В реальности всё гораздо сложнее, о чём я и пытаюсь сказать в «Искусствовед...», да и вам сейчас тоже.

– Спасибо. Я вас услышал.

КАКОГО ЦВЕТА У НАС КРЫЛЬЯ?

Наверное, незлые, глубоко конструктивные мысли, высказанные в приведённом выше интервью писателя Симонова, должны быть симпатичны для любого, не окончательно озверевшего от социальных передряг человека. Однако внимательно прочитавший «Искусствовед...» или «Орбиту осколка» интеллигент-свободолюбец вряд ли ощутит душевное единение с автором.

Полковник КГБ в отставке

ступить — по-службистски или литераторски.

Конечно, Георгий Полтавченко — важная фигура, но Симонов руководит Общественной приёмной на общественном уровне, а не в атаку идя. Можно и обойтись. В Союзе писателей тоже не каждый принимают, надо бы лично три решения своей судьбы присутствовать.

СИМОНОВ ВЫБРАЛ ДОКЛАД

Пропустив судьбоносные решения в Союзе писателей, узаконить что не принят. За недоверием то ли двух, то ли трёх писателей «за». По результатам голосования ярославских писателей выходит, что он всё-таки больше чекист?

Но как с таким выводом сосуществовать цитата из книги Симонова «Искусствовед в штатском»: «...Я много раз перечитывал все четыре Евангелия. Книжки я сравнил бы с одной бесконечной, светлой дорогой. По ней можно идти долго, пока не кончатся силы, и всё время постигать что-то новое.

А как же наука? — может спросить. Что же — наука Она всего лишь познаёт и объясняет мир, созданный Богом. И то дозированно, постепенно. Иначе люди просто сойдут с ума. А им надо жить! Спокойно и счастливо».

Благое пожелание Альфреда Симонова так и осталось пожеланием. Ведь для того чтобы стать счастливым, надо бороться про это недостаточность быть спокойным после того как прочтёшь такие строки, написанные рукой офицера КГБ. Это неприлично. Надо было поговорить.

Вот отрывки из этой беседы:

ЧЕГО ВЫ ВСЁ-ТАКИ ХОТИТЕ?

— **Альфред Николаевич, вы хотели бы ещё раз попытаться счастья и всё-таки попробовать вступить в Союз писателей?**

— Не знаю. Может быть, лучше не пробовать — гарантий в этом деле быть не может. А

— **А что вы любите? Кого из писателей? Какие произведения?**

Чехова, в особенности его записные книжки и письма, это настольная книга. Пушкина — тоже дневники и письма. Вересаева. Розанова. И снова — Чехова, и опять Чехова, и больше всех — Чехова.

— **А современники, современники? Есть же модная, «продвинутая» литература. Или вы её не читаете?**

— Не думаю, что надо противопоставлять классиков и современников — это занятие вечное, но бесперспективное. Представляете, даже на египетских пирамидах нашли надписи, в которых жрецы ругают нравы молодёжи! Смешно, ей-богу. Есть и классика, которую я так и не смог (да и не захотел) осилить. Например, «Анна Каренина»: сколько раз начинал читать — не моё, и всё тут! Есть и нынешние — пробовал браться за «Чапаева и Пустоту» Пелевина и тоже отложил. Вопрос не в дате издания книги, а в том, о чём она.

В «Независимой газете» есть рубрика «Экслибрис», я её внимательно просматриваю, там сообщают о новинках книжного рынка. И знаете, очень непросто встретить аннотацию книги, где не писали бы об убийствах, гомосексуализме, инцесте. Любовь, мужчина, женщина — это вечная тема литературы. А инцест не является предметом литературы. Для описания инцеста есть уголовные дела.

Например, «Голубое сало» Владимира Сорокина — это мерзость. И «Сало» не стало бы менее сальным, если бы его написал, например, граф Толстой, да только не писал он, как юридика, извините, вылёвываает волосатый зародыш, в котором заключена душа нового правителя России, да и самой страны тоже... Это ещё один из самых пристойных, без патологии (по меркам Сорокина) эпизодов. Как ни жаль, но очень многое из того, что сейчас называют «модной» и «современной» литературой, как и большинство того, что мы видим на экранах телевизоров, — это саморазрушение. В Содоме и Гоморре ставили уже такие опыты, тоже ин-

— Возможно, к концу года появится «Воскресшая» — сборник из шести повестей. О религии, о политике, о земле, о США. Немного в стиле фэнтези.

— **Что-что? Фэнтези? Объясните подробнее.**

— Да, фэнтези. Немного чуда. А объяснить вряд ли получится. Встречаются ненадолго XIX и XXI века. Воскресает человек, возрождается. Нет, не объяснить. Если издадут — возьмите и прочтите, книга будет в библиотеках.

— **Вас читают?**

— Недавно ко мне в приёмную заходил посетитель и показал библиотечный формуляр моей второй книги «Орбита осколка». Пять человек её прочли. Для славы или карьеры — мало, а для души — в самый раз.

— **После издания «Воскресшей» вы будете продолжать писать? Есть ли у вас замыслы следующих книг?**

— Есть две задумки. Одна — пока секрет, а вторая — «Страна лысых». Манера коротко-коротко стричься, бритоголовость — это, по-моему, не просто причёска. Это стиль жизни, психология, символ. Вот об этом я и хочу написать. По-видимому, это будет роман о современной жизни, возможно, с элементами детектива.

— **Альфред Николаевич, вы так хорошо выглядите, так солидно держитесь, уверены в своей правоте и идеалах. У вас хорошая работа, общественное положение. В редколлегию журнала «Русский путь» входите. Пишете. Издаётся. Соглашась на это интервью, вы ждёте какого-то результата? Если честно, зачем оно вам?**

— Вам кажется, что я так уж непоколебимо во всём уверен и счастлив? Это иллюзия. Я думаю и сомневаюсь, иногда — мучительно. А последствий этого интервью я действительно жду. Я хочу, чтобы как можно больше людей прочли мою книгу «Искусствовед в штатском». Когда я смотрю фильмы про зверей-чекистов, мне просто неудобно как профессионалу. Так, как в этих фильмах, чекисты не работают и не работали никогда. Я хочу

КАКОГО ЦВЕТА У НАС КРЫЛЬЯ?

Наверное, незлые, глубоко конструктивные мысли, высказанные в приведённом выше интервью писателя Симонова, должны быть симпатичны для любого, не окончательно озверевшего от социальных передряг человека. Однако внимательно прочитавший «Искусствовед...» или «Орбиту осколка» интеллигент-свободолюбец вряд ли оценит душевное единение с автором.

Полковник КГБ в отставке Альфред Николаевич Симонов на страницах своих книг называет работников КГБ «элитой страны» и в устных беседах категорически настаивает на том, что это действительно так. Да и политические взгляды...

В «Орбите осколка» есть очень яркий эпизод. Работники КГБ прибыли к горящим торфяникам и были поражены тем, что председатель колхоза не хочет бесплатно отряжать крестьян на тушение пожара.

— Это же ваш лес, вы же тут живёте! — удивились офицеры КГБ.

— Наш. Конечно наш, — криво усмехнулся председатель. Ушёл и людей не дал, тлеющий торфяник окапывали одни курсанты.

Симонов, кажется, искренне не понимает: как же так? Хочется верить, что в Ярославской области немало людей (к которым автор статьи с удовольствием причисляет и себя), которые прекрасно поняли, что имел в виду председатель и насколько глубоко он прав.

И, несмотря на всё это, кажется, что в перчатке Альфреда Симонова, брошенной в лицо расхожему т. н. «общественному» мнению о «страшных, коварных, бездушных, гэбистах», спрятан маленький букетик цветов. И КГБ, который он представляет, оказывается не только цвета хаки...

И совесть вовсе не беспокоит от того, что мнение свобододолюбной прессы во многом совпадает с мнением полковника, честно, без страха и упрека служившего власти, которая так долго воевала со всем, что движется...

Евгений АВЕНИР.